

Александра Афанасьева

**ВЕДЬМА И ЭКЗОРЦИСТ
В АКАДЕМИИ «ЛУНЫ»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А94

А94 **Афанасьева А.**
Ведьма и экзорцист в академии "Луны" / Александра Афанасьева – М.: Литнет,
2026. – 184 с.

ISBN 978-5-521-99461-8

Тысячу лет длится наш танец взаимных убийств. А что, если попробовать жить иначе? Может ли потомственная ведьма и сильнейший экзорцист найти ту хрупкую грань? – Магическая академия (с лекциями); – Невезучая ведьмочка, попадающая в неловкие ситуации; – Сильный экзорцист, готовый прийти на помощь; – Тайны прошлого; – Притяжение и противостояние; – Две жизни – одна судьба; – Счастливы финал **ОБЯЗАТЕЛЬНО!**

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99461-8

© Литнет, 2026
© А. Афанасьева, 2026

Пролог

Ступени мелькают в пятнистом сумраке, сливаясь в опасный поток. Я не бегу – я падаю вниз, и каждый шаг лишь на мгновение отталкивает меня от неминуемого дна. Воздух, густой и раскаленный, рвет легкие, сердце колотится в висках и в сжатом горле, дикий узник, рвущийся на волю.

Он нашел меня. *Нашел.* Горечь предательства, медная и острая, заполняет рот. Как он мог? Мы же скрепили слово – не детской клятвой, а кровью и тишиной, что тяжелее железа. Долгие годы врозь. Отдельные жизни. Каждый свой путь, свою боль, свою попытку быть счастливым. Встретиться лишь у края, седыми, когда страсти превратятся в пепел, чтобы завершить начатое... Ложь. Все было ложью.

Все, что я строила все эти годы – хрупкий, но такой прочный хрустальный дворец надежд, – теперь обречено. Я чувствую, как трещины уже бегут по его стенам с сухим, отчетливым хрустом. Отчаяние, ледяное и цепкое, и ярость, ослепительно-алая, раздирают меня изнутри, борются за власть над душой. Сколько всего. Сколько сил, ночей, побед, крошечных и великих. Все, что началось с той встречи в таверны, где пахло дымом, вином и холодной сталью, где само зловещее название висело в воздухе предостережением.

Зачем? Времена, казалось бы, иные – времена выбора и воли. Но нет. Высшие силы, словно скучающие дети, снова и снова спутывают нити, которые мы пытаемся распутать. Им мало слез, мало потерь? Им нужно вечное противостояние, вечный спектакль на краю пропасти?

Академия. Эта серая цитадель знаний была моим щитом, моим убежищем. Я вгрызалась в гранит науки, чтобы стать незаметной, обычной, чтобы раствориться в толпе и забыть свое проклятое предназначение. Я почти поверила. Почти прикоснулась к призраку нормальной жизни, к простому завтра без погонь и древней вражды.

И все перечеркнул один поцелуй. Не нежный, нестрастный – роковой. Печать на смертном приговоре. Он вернулся. И это значит, что старые правила вновь в силе. Два места под солнцем для нас нет. Из двоих в живых останется только один. И лестница заканчивается. Пора обернуться.

Глава 1

Много лет назад Королевство Орлим.

Солнце заливало комнату золотом, обещая очередной безмятежный день. Я тогда наивно верила, что каждое утро лета дарит миру такую же безмятежность, не подозревая, что именно это утро станет точкой отсчета моей новой, совсем не такой, как я себе представляла, жизни. Не ведала, что это золото – лишь позолота на краю пропасти, за которой ждала жизнь, совсем не та, о которой я грезила.

Мне почти двадцать. Возраст, когда для родителей девушка перестает быть дочерью и становится *невестой*. И вот он – жених. Авель. Имя чужое, пустое, как скорлупка. За ним не стояло ни воспоминаний, ни чувства, лишь смутный силуэт незнакомца из соседней деревни.

Наши семьи, оставив нас в гулкой тишине горницы, яростно спорили на улице: где играть свадьбу? Его родителя видели меня уже частью своего дома, своего очага. Мои – цеплялись за родную землю, за каждую знакомую тропинку, как за последнюю нить, связывающую меня с ними.

– Вайолет, ты прекрасна, – его голос, тихий и немного скрипучий, словно нечасто им используемый инструмент, нарушил молчание.

Он смотрел на меня *внимательно*. Впервые, кажется, видел не просто «девушку из договора», а меня. Черты лица, рыжие волосы, собранные в тяжёлую косу.

– Я так рад, – продолжил он, и в его глазах светилась простая, искренняя надежда. – Матушка говорила, ты отличный лекарь. В нашей деревне умелые руки всегда нужны...

Лекарь...

Слово ударило, как укор. Горькая насмешка. Если бы все было так просто. Если бы моя сущность умещалась в горстке сушеных трав и умении наложить повязку. Но во мне тикала иная, страш-

ная сила – древняя кровь ведьм, темный родник, который нужно было скрывать пуще смерти. Это солнечное утро было не началом счастья, а началом долгой лжи. Мне предстояло научиться жить в двух мирах: в том, где я – Вайолет, будущая жена кузнеца, и в том, где я – наследница тайны, что жгла изнутри.

В ту пору, когда даже невинный дар мог привести на костер, моя семья хранила свое знание, как зеницу ока. Бабушка, чьи пальцы знали тайны корней и звезд, притворялась простой знахаркой. Она передала эстафету молчания матери, а та – мне, вплетая запретные уроки в ткань обычных дней, словно черные нити в яркий узор.

Авель... Он был иным. Старше, отмеченный трудом. Стройный, но с силой, что чувствовалась в каждом движении, будто в нем жила сама устойчивость земли. Сын кузнеца – это объясняло ширину плеч и спокойную уверенность. Говорили, он и грамотен, что было редкостью. Таким и должен был быть мой избранник в глазах мира: надежным оплотом, за которым я, хрупкая цветущая лоза, могла бы спрятаться. И роль эта давалась мне с пугающей легкостью.

К нам сватались и другие, но мать, хранительница и страж нашей тайны, всем отказывала. Будто ждала именно его. И вот он пришел – Авель, мой суженый, моя человеческая судьба.

Со стороны мы выглядели идеально. Две части одного целого. Его присутствие действительно дарило странное спокойствие – тепло от надежного плеча рядом. В его мире все было ясно: работа, дом, семья. В этом была страшная, манящая простота.

– Спасибо, – прошептала я, потупив взгляд, пальцы нервно теребя конец косы. Рыжина волос казалась сейчас таким кричащим знаком, клеймом.

– Как думаешь, скоро ли они решат? – Авель кивнул в сторону двери, откуда доносились приглушенные, но всё ещё горячие споры. – Если уже из-за места такой пир, что же будет дальше?

– Надеюсь, скоро, – ответила я, и легкая дрожь, пробившаяся в голос, была не совсем притворной. Тревога сжимала сердце ледяным кольцом. – Хочется верить, что все будет хорошо.

Но это была ложь. Последняя простая ложь того золотого утра. Потому что «хорошо» для невесты Авеля и «хорошо» для меня – наследницы ночи и тихих шепотов магии – были двумя разными, расходящимися дорогами. И мне предстояло шагнуть на обе сразу, разрываясь между светом этого дня и Тьмою своей крови.

Итак, решение принято. Местом нашего бракосочетания станет моя родная деревня. Не знаю, какие именно доводы – земные или иные – склонили чашу весов в пользу моих родителей, но я не исключала, что матушка применила свои особые, почти гипнотические уговоры, в которых слышались отголоски иного знания.

На подготовку – всего семь дней. Семь отсчитываемых ударами сердца суток, которые семья Авеля проведет под нашей крышей, в летнем домике на окраине сада. Погода благоволила, будто сама природа соглашалась на этот союз. А я... Я ждала этой недели с трепетом, смешанным с надеждой. Семь дней, чтобы изучить друг друга, прежде чем мы навеки станем друг для друга законом и судьбой.

Мы проводили вместе почти каждое мгновение. И с каждым часом мое сердце, вопреки всем внутренним запретам, все глубже увязало в тихой заводи его спокойствия. Я начала тайком рисовать в воображении картины будущего: нашу общую жизнь, теплый очаг, детский смех в комнатах – простые, недостижимые для меня человеческие радости.

Его внимание было подобно мягкому, но настойчивому свету, постепенно растворяющему тени моей отчужденности. Он не ломал преграды, а словно обходил их, окружая меня тихой, ненавязчивой заботой. Каждое его слово, полное искреннего интереса, было как осторожный шаг навстречу. Он спрашивал не только о свойствах мандрагоры или плакун-травы, но и о моих мыслях, о том, чего боюсь и о чем мечтаю. В его взгляде я видела признание: он видел во мне *женщину*. И от этого признания становилось и сладко, и страшно.

Тот поцелуй случился в Зачарованном лесу – месте, где даже воздух дрожал от скрытых сил. Мы искали редкую лунную росу,

что собирается лишь в чашечках серебряных колокольчиков перед самым рассветом. Лес молчал вокруг нас торжественным, почти священным молчанием, нарушаемым лишь перешептыванием листьев.

У ручья, чье журчание звучало как древнее заклинание, он протянул руку, чтобы помочь мне переступить через влажные, скользкие камни. Наши пальцы сплелись, а взгляды – встретились и замерли. В его глазах, цвета темного меда, я увидела не просто симпатию. Увидела вопрос, робкую надежду и ту самую искру, что способна сжечь все предосторожности.

Воздух сгустился, стал сладким и тягучим, как сироп. Я почувствовала, как кровь ударила в виски, а дыхание застряло в горле. Он медленно наклонился, и я не отпрянула. Весь мир сузился до точки соприкосновения.

Его губы коснулись моих с невыразимой нежностью. Это не был поцелуй страсти. Это было признание. Доверчивое, чистое, как тот самый первый луч, который мы искали. Прикосновение, в котором была жажда не обладания, а познания. В этом миге не было лжи, и это было самым обманчивым из всего. В его тепле, в этом тихом вопросе, я позволила себе на мгновение забыть, кто я на самом деле. Позволила почувствовать себя просто Вайолет – любимой и желанной.

Авель, казалось, находил особенную радость в том, чтобы сопровождать меня. Он с неподдельным интересом наблюдал за приемами, помогал подавать отвары, утешал испуганных детей. Пациентов было много, и его готовность быть полезной трогала меня до глубины души, одновременно усугубляя муки обмана.

Самым тяжким испытанием стало сокрытие моей сути. Я была как струна, вечно натянутая до предела. Каждое движение рук, каждый взгляд требовал контроля. Я позволяла себе лишь крохотные, невидимые миру всплески силы – чтобы вода в кружке быстрее остыла, чтобы рана чуть уняла боль, – и только в полном, гарантированном одиночестве.

Мне постоянно приходилось изобретать предлоги, чтобы отвести его внимание: «Авель, не мог бы ты принести мне ту коробку с сушеными ягодами? Кажется, она в самом дальнем чулане». Или: «Посмотри, вон там, у забора, вроде бы новая трава пробивается, интересно, что это?» Он никогда не спорил, не задавал лишних вопросов. Он просто уходил, исполненный рвения, а я, сжимая дрожащие руки, торопливо завершала то, что требовало иного дара.

Он принимал каждое мое слово за чистую монету, каждую просьбу – как священный долг. В его усердии была трогательная, почти детская серьезность. Иногда он и сам проявлял инициативу, предвосхищая мои нужды, и это внимание таяло лед вокруг моего сердца. Но я тут же одергивала себя: моя цель – помощь страждущим. Это был мой якорь, мое оправдание.

Настоящих целителей ценили на вес золота. Мать была таким сокровищем – бесценным и почитаемым. Теперь мне предстояло нести этот свет в деревню, где лекарем считался любой, умевший наложить повязку из грязной тряпицы. Думаю, именно этот расчет – заполучить в общину знающую женщину – и лежал в основе решения родителей Авеля. А вот почему согласились мои... Эта загадка оставалась для меня неразрешимой.

Я хотела верить, что мать, с ее зорким взглядом, разглядела в Авеле не просто крепкие руки, а добрую, преданную душу, способную стать мне надежной гаванью. Я отчаянно цеплялась за эту надежду, лелеяла ее в самых сокровенных уголках сердца.

Но даже в самых страшных кошмарах я не могла представить, что вместо свадебных колоколов нас ждет погребальный звон. Что вместо родительского благословения на наши головы обрушится древнее проклятие, которое навеки скрепит нас не узами любви, а цепями непримиримой вражды. И что этот невинный, трепетный поцелуй в лесу станет первым и последним поцелуем мира, между нами.

Накануне дня, который должен был стать самым светлым, небеса

напомнили о своей подлинной, безжалостной натуре. День выдался мертвенно-серым и пронизывающе сырым, словно сама ткань мира истончилась и пропускала холод из иных, враждебных слоев бытия. В такие дни судьба не шепчет – она скрипит, как ржавая петля, и от нее не стоит ждать ни милости, ни добрых знаков.

Время, густое и тягучее, как деготь, медленно сползало к багровому закату. Я возилась в своей крошечной приемной, раскладывая инструменты предстоящих обрядов – не магических, а житейских. И вдруг – резкий, рвущий душу скрип. Дверь, сорвавшись с петли, врезалась в стену, и в проеме, заслоняя угасающий свет, возникла темная куча тел. Это были мужчины, их лица, искаженные паникой, сливались в одно пятно ужаса. Они втащили в комнату своего товарища – бесформенный, стонущий сверток.

– В чем дело?! – мой голос прозвучал резче, чем я хотела. Все посторонние мысли испарились. Я уже была на коленях рядом с ним.

Передо мной был юноша, почти мальчик. Но его одежда была пропитана грязью и чем-то темным, влажным, а лицо – прекрасная маска из чистого страдания, застывшего в окаменевших чертах.

– Лошадь... – начал один, запинаясь, его пальцы судорожно комкали шапку. – Обрыскалась, как бешеная. Словно черт ее подменил... Кинулась на него, била... Все нутро, должно быть, в кашу...

Он не мог продолжать. Другой, с глазами, полными слез, выдохнул:

– К вам... Только вы... Спасите!

– На кровать! Быстро! – в моем приказе не было места сомнению. Сердце колотилось, будя внутри холодную, ясную волю. Я раздавала команды, метаясь между ними, создавая видимость суеты, чтобы скрыть главное.

– Ты – кипятку, самый большой таз! Ты – ветоши, всю, что найдется! А ты – беги за моей матерью, слышишь, беги!

Они засуетились, повинаясь авторитету, который всегда видели во мне – лекаре. Им нужно было исчезнуть. Хотя бы на четверть